МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES



Научная статья

УДК 341
https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-64-73

EDN: CPJSQB

Обеспечение принципа правовой определенности в качестве противодействия международному терроризму

А.А. Кузубов **, А.Н. Максименко** ✉
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ manzel@yandex.ru

Аннотация
Введение. Терроризм, являясь антисоциальным и деструктивным явлением, представляет особую угрозу общественной, национальной и международной безопасности. Это явление относится к одной из самых глобальных проблем современности. Терроризм приводит к росту напряженности, имеет высокий уровень конфликтного потенциала, а также играет крайне негативную роль в развитии и жизнедеятельности общества, отдельного государства и мирового сообщества в целом. Сотрудничество между национальными государствами и международными организациями в борьбе с международным терроризмом чаще всего ограничивается конкретными ситуациями. При таких условиях особую остроту и актуальность приобретают принципы права, которые в концентрированном виде воплощают универсальные ценности и идеалы, формирующие основу правового регулирования общественных отношений. Целью статьи является анализ теоретических и практических аспектов принципа правовой определенности в противодействии международному терроризму.
Материалы и методы. Объектом исследования является принцип правовой определенности как средства противодействия международному терроризму. В исследовании был применен диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, специальные юридические методы — эмпирические и формально-юридический.
Результаты исследования. Доказано, что распространение экстремизма и терроризма является угрозой для современного международного и национального правопорядков. Обоснована необходимость формулирования единого обобщенного определения понятия «терроризм» и реализации принципа правовой определенности в противодействии международному терроризму.
Обсуждение и заключение. Выявлена необходимость оптимального и эффективного решения вопроса применения принципа non bis in idem (лат. «не дважды за одно и то же») в отношении террористических преступлений (прежде всего, международного характера), наделение их универсальной юрисдикцией, которая позволит осуществлять уголовное преследование преступников независимо от их места нахождения, гражданства или территории, на которой было совершено конкретное преступление. Теоретическое и практическое значение полученных результатов заключается в том, что они могут быть использованы как в научно-исследовательской сфере для дальнейшего теоретического изучения проблем противодействия международному терроризму, так и в правотворческой сфере — с целью совершенствования антитеррористического законодательства РФ. В перспективе дальнейших исследований особое внимание следует уделять оптимизации правового поля, усовершенствованию нормативно-правовых механизмов с целью оптимального предотвращения международного терроризма как социального явления.

Ключевая слова: принцип права, правовая определенность, терроризм, non bis in idem, уголовное преследование, международный терроризм, противодействие международному терроризму

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Кузубов А.А., Максименко А.Н. Обеспечение принципа правовой определенности в качестве противодействия международному терроризму. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(1):64–73. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-64-73

Research article

Ensuring the Principle of Legal Certainty as a Way to Counteract the International Terrorism

Alexey A. Kuzubov, **Aleksandr N. Maksimenko** ✉
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ manzel@yandex.ru

Abstract
Introduction. Due to its antisocial and destructive nature, terrorism constitutes a particular threat to the public, national and international security. It is one of the global problems of our time, which leads to the increased tension, has the high conflict potential and extremely negative effect on development and life of a society, a separate state and the global community on the whole. Cooperation between the national states and the international organisations for combating the international terrorism is most often restricted to the individual cases. In this context, the principles of law, which represent the concentrated essence of the universal values and ideals underlying the legal regulation of the social relationships, become particularly acute and relevant. The present article aims to analyse the theoretical and practical aspects of the principle of legal certainty in counteracting the international terrorism.
Materials and Methods. The object of the study is the principle of legal certainty as a tool of counteracting the international terrorism. The dialectical method of cognition was used as the main research method, the general scientific methods of analysis, synthesis and the specific legal methods (empirical and legalistic) were also used.
Results. It has been proved that the spread of extremism and terrorism constitutes a threat to the present day international and national legal order. The necessity to formulate a unified general definition of the concept of "terrorism" and to implement the principle of legal certainty in counteracting the international terrorism has been substantiated.
Discussion and Conclusion. The research has revealed the need for an optimal and efficient solution for implementation of the *non bis in idem* ("not twice for the same") principle with regard to the terrorist crimes (primarily of the international nature), endowing the universal jurisdiction over them, which allows criminal prosecution of the criminals regardless of their location, citizenship or territory, where the individual crime has been committed. The theoretical and practical value of the results obtained is the capacity thereof to be used both in the field of scientific research (for further theoretical study of the problems of counteracting the international terrorism) and in the field of law-making (for improving the Russian Federation legislation on counteracting terrorism). Bearing in mind future research, the special attention should be paid to the optimisation of the legal framework, enhancement of the regulatory legal mechanisms aiming to prevent in an optimal way the international terrorism as a social phenomenon.

Keywords: principle of law, legal certainty, terrorism, *non bis in idem*, criminal prosecution, international terrorism, counteracting the international terrorism

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for the critical assessment of the materials and making suggestions on their improvement that had significantly fostered the quality of the article.

For citation. Kuzubov AA, Maksimenko AN. Ensuring the Principle of Legal Certainty as a Way to Counteract the International Terrorism. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(1):64–73. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-64-73

Введение. В условиях глобализации, когда мир стал более взаимосвязанным и взаимозависимым, быстрыми темпами распространились многочисленные вызовы и угрозы, такие как:
– терроризм — национальный, религиозный и другие формы экстремизма;
– торговля наркотическими средствами, оружием;
– транснациональная организованная преступность;
– региональные конфликты и угроза распространения оружия массового поражения;
– чрезмерное материальное обогащение и концентрация финансового капитала отдельными лицами и группировками;
– финансово-экономические кризисы;
– экологические катастрофы;
– упадок традиционной морали духовности, подмена общечеловеческих ценностей и культурных достояний человечества общественными искажениями индивидуального сознания и субкультуры.

Кроме того, негативным достоянием глобализации, наряду с появлением новых проблем, стала трансформация традиционных угроз как военного, так и невоенного характера (политическое давление на

государства с отличающейся от других идеологией, использование методов недобросовестной конкуренции в экономических отношениях), неконтролируемое распространение этих угроз и их превращение в системную практику решения геополитических стратегических задач, которые предстают перед национальными государствами на современном этапе их развития.

В условиях дальнейшего расширения глобализации, которая приводит к качественной трансформации или даже разрушению социальных, экономических, политических и правовых структур, повышается роль и значение принципов права, которые в концентрированном виде воплощают универсальные ценности и идеалы, определяющих содержательный характер системы права, направления ее дальнейшего развития, а также распространения их использования. «Тенденция роста роли и значение принципов права, которые выступают в форме принципов-норм, общеправовых принципов, отраслевых, межотраслевых, более четко выявляется на глобальном и региональном уровнях, в отношениях между государствами, между государствами и транснациональными корпорациями, другими субъектами и институтами, причастными к процессу глобализации» [1, с. 27].

В контексте противодействия современным угрозам, с которыми сталкиваются государства, особую роль играет принцип правовой определенности, которую следует рассматривать в качестве фонда ментального самостоятельного принципа правовой системы.

В то же время, диалектический характер правовой определенности, в основе которой, по мнению П.М. Родригеза, лежит как политический (провозглашение и защита эффективности установленных правил поведения и правовых норм), так и субъективный (установление ограничений и индивидуальных гарантий в ходе реализации соответствующих правовых положений) аспекты. В отдельных случаях парадоксально может иметь следствием возрастание значения неопределенности [2]. С учетом этого положения важное значение приобретает поиск оптимального соотношения между этими двумя категориями, особенно в процессе решение проблем правового регулирования, связанных с противодействием негативным явлениям, невозможности или минимизации негативных последствий глобальных вызовов и угроз, в частности противодействия терроризму, обеспечения международного и национального правопорядков.

Целью статьи является анализ теоретических и практических аспектов принципа правовой определенности в противодействии международному терроризму.

Материалы и методы. Методологическую ценность в исследовании правовой определенности имеют достижения таких ученых, как И.В. Рехтина, М.А. Боловнев [3], А.Р. Султанов [4], О.В. Кузьмина [5], Д.С. Велиева, М.В. Пресняков [6], Д.С. Милинчук [7] и другие. В трудах указанных ученых обоснован ряд важных положений и выводов относительно понятия и содержания правовой определенности. Тем не менее, распространение негативных тенденций глобализации и рост количества вызовов и угроз, с которыми сталкиваются национальные государства, приобретают глобальный характер, что обусловливает необходимость исследования принципа правовой определенности как средства противодействия международному терроризму, обеспечения международного правопорядка и противодействия глобальным вызовам и угрозам. Объектом исследования является принцип правовой определенности как средства противодействия международному терроризму. В исследовании был применен диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, специальные юридические методы — эмпирический и формально-юридический.

Результаты исследования. Важной проблемой современного международного правопорядка является распространение экстремизма и терроризма, которые в последние годы вышли далеко за пределы национальных государств и превратились в глобальную угрозу. В контексте указанного внимания заслуживают данные Глобального индекса терроризма (Global Terrorism Index) [8], который измеряет уровень террористической активности внутри той или иной страны по четырем основным показателям: 1) количество террористических инцидентов; 2) количество погибших; 3) количество пострадавших, 4) уровень материального ущерба. Кроме того, при агрегировании Индекса анализируется ряд других факторов, которые могут быть опосредованно связаны с террористической активностью. Согласно индексу, пик распространения терроризма пришелся на 2014–2015 гг. и связан с военной террористической организацией «Исламское государство» в Сирии и Ираке, на подконтрольных территориях которых даже было объявлено о создании так называемого «халифата». По данным австралийского Института экономики и мира, от террористических атак в 2014 г. погибло 33,438 человек, что составляет абсолютный максимум. В период до 2019 г. наблюдалось замедление указанной тенденции. В 2019 г. эта цифра составила 13,826 человек, что на 15,5 % меньше, чем в 2018 г. (более 16 тыс.), и на 59 % меньше, чем в 2014 г., несмотря на это, в целом террористическая угроза остается актуальной для большинства стран мира [4].

Для высокоразвитых стран мира проблема терроризма не исключение. Так, за период с 2002 по 2019 гг. в ЕС было зарегистрировано 4 531 актов, подпадающих под категорию терроризм. В результате этих действий погибло 2 558 человек. В целом за 2002–2019 годы страны ЕС ухудшили свой рейтинг в Глобальном индексе терроризма на 0,483 балла, то есть уровень террористических актов за этот период вырос. Самыми безопасными странами являются Португалия, Румыния, Словения, Люксембург и Мальта [9].

Позиции России в индексе стремительно менялись. В рейтинге терроризма по итогам 2014 года Россия занимала 11 место. По итогам 2015 г. Россия заняла 23 место, 2017 г. — 33 место, 2018 г. — 34 место, 2019 г. — 37 место, в 2022 г. — 44 место [4]. Анализируя ситуацию, эксперты IEP отмечают, что в целом по Евразии уровень терроризма все еще остается высоким несмотря на то, что на протяжении последних 10 лет он стремительно снижался. Максимальная террористическая активность в России пришлась на 2010 год, в котором погибли 273 человека, в 2022 году в России погибли только 2 человека [10].

Глобальность распространения терроризма, обретения им новых форм и проявлений, а также вред, который наносит террористическая активность жизни и здоровью людей и международному правопорядку в целом, обусловливает необходимость проведения государствами совместной, хорошо скоординированной контртеррористической деятельности, направленной на устранение причин и предпосылок терроризма, минимизацию влияния террористических организаций на людей, предупреждение террористических актов.

Вместе с тем практика убедительно демонстрирует, что на современном этапе развития международной системы взаимодействие национальных государств в этой сфере недостаточно эффективно, осуществляется по большей части ситуативно и находится в зависимости от политических факторов и интересов сторон.

Например, в 2015 году Франция разорвала дипломатические отношения с Сирией и ликвидировала посольство в Дамаске, учитывая генеральную внешнеполитическую линию власти, которая не признавала Б. Асада легитимным главой государства. Прекращение обмена информацией, в т. ч. в сфере борьбы с терроризмом, а также потеря кадров внешней разведки в арабской республике оказали значительное влияние на качество работы французских спецслужб, которые в итоге не смогли предотвратить масштабные теракты в Париже 13 ноября 2015 г.

Важным источником неопределенности в контртеррористической сфере является отсутствие консенсуса относительно сущности понятие «терроризм» и содержания террористической деятельности.

Политики, ученые-юристы и правозащитники часто имеют противоположные подходы к тому, что следует считать терроризмом и кого называть террористами. Как точно отмечается зарубежными учеными, «на протяжении многих лет люди привыкли узнавать, что один и тот же человек может быть «террористом» или «борцом за свободу»». Вместе с тем, одним из основных элементов концепции правовой определенности является принцип международного права nullum crimen sine lege, в соответствии с которым, уголовное преследование и наказание лица возможно только за преступления, предусмотренные уголовным законодательством конкретной страны. При этом правовые нормы, изложенные в таком законодательстве, должны быть сформулированы с достаточной степенью четкости и точности, а также соответствовать требованиям предсказуемости, т. е. предоставлять человеку возможность регулировать свое поведение и предусматривать, в т. ч. с использованием необходимой правовой помощи, ее последствия. В таких условиях закрепление универсального определения терроризма как сложного социально политического явления, которое раскрывало бы его основные признаки и давало возможность проецировать их на уголовно-правовой уровень с высокой степенью определенности, приобретает особое значение.

Основная роль в формировании нормативно-правового порядка борьбы с международным терроризмом принадлежит ООН. С 1963 г. под эгидой этой международной организации было принято 16 международных договоров, среди которых наиболее значимыми являются:

– Конвенция о праве нарушения и некоторые другие акты, совершенные на борту воздушных судов 1963 г.;

– Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.;

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.;

– Конвенция о предупреждении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентств 1973 г.;

– Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.;

– Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.;

– Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.;

– Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

Указанные международные нормативные акты базируются на отраслевом подходе к определению сущности терроризма, в основе которого лежит предположение, что некоторые правонарушения могут быть признаны сами

по себе как нарушение международного правопорядка, независимо от наличия в них специфического террористического намерения или цели [11]. Вместе с тем большинство названых нормативных актов касаются только отдельных видов или сторон терроризма, не охватывающих всех его проявлений, не дают его однозначного толкования и понимания, допускающее возможность их неодинакового или произвольного применения.

Попытки урегулировать проблемные аспекты определения терроризма и террористической деятельности, которые не нашли отражения в универсальных нормативных актах, были осуществлены в рамках регионального сотрудничества государств. Так, в преамбуле Конвенции Совета Европы о предотвращении терроризма 2005 г., которая является одним из основных актов в контртеррористической сфере в пределах Европейского правового пространства, отмечается, что по своему характеру и сути акты терроризма имеют целью

– запугивание населения или

– противоправное принуждение того или иного правительства или международной организации к совершению каких-либо действий, или

– серьезную дестабилизацию, или

– разрушение основополагающих политических, конституционных, экономических или социальных структур той или иной страны или международной организации [12]. При этом такие преступления не могут квалифицироваться в качестве политических или связанных с политической сферой, имеющей следствием отнесения терроризма к категории сугубо криминальных явлений.

Более конкретизированы данные положения, изложенные в директиве Европейского парламента и Совета ЕС о борьбе с терроризмом, в которой в ст. 2 перечислены основные признаки террористических преступлений, а именно: 1) умышленная форма вины; 2) деяния, по характеру или в силу обстановки которые способны повлечь серьезный вред стране или международной организации; 3) цель — серьезное запугивание населения или неправомерное вынуждение публичной власти или международной организации совершить определенное действие или воздержаться от его совершения, или серьезно дестабилизировать или разрушить основные политические, конституционные, экономические или социальные структуры государства или международной организации[1].

Из приведенного следует вывод. Несмотря на высокий интерес со стороны европейских институтов, на законодательном уровне пока отсутствует обобщенное определение терроризма, сущность которого раскрывается большей частью через смежные понятия (или путем перечисления его признаков), допускающего возможность широкого толкования. Однако квалификация конкретного деяния в качестве преступного (террористического) остается вопросом внутренней компетенции национальных государств, взгляды которых могут существенно отличаться в рамках даже одного региона, вносящего элемент неопределенности как в правовое регулирование указанных отношений, так и в практическую их реализацию.

Противоположный подход к определению терроризма демонстрируют страны Восточного цивилизационного типа. Так, п. 2 ст. 1 Арабской конвенции (Конвенции Лиги арабских государств) о предотвращении терроризма 1998 г. непосредственно вводит как юридическую дефиницию понятие «терроризм». Терроризм — любой акт или угроза насилия, которые совершаются одним лицом или преступной группой, наводят ужас среди населения, причиняют ему вред, подвергают опасности жизни и свободе людей, направлены на причинение вреда окружающей среде, общественным или частным зданиям или имуществу, а также осуществляют захват этих зданий или причиняют вред всей нации [13]. Данное определение допускает широкое значение терроризма как социального явления, причем в отличие от европейского подхода, он квалифицируется как угроза в первую очередь нации и населению и, как следствие, основной акцент делается именно на его социальных последствиях. Кроме того, положительный момент Арабской конвенции — разграничение понятий терроризма и террористического действия, последнее из которых является лишь одним из проявлений терроризма как социального явления.

Внимания заслуживает и дефиниция, закрепленная в Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, которая определяет терроризм как идеологию насилия и практику влияния на принятие решений органами власти или международными организациями путем совершения или угрозы совершения насильственных и (или) других преступных действий, связанных с запугиванием населения и направленных на причинение вреда личности, обществу и государству [14]. Данное определение весьма метко характеризует терроризм именно как социальное явление, которое по своей сути является значительно шире, чем террористическая преступность и непосредственно акты терроризма, что позволяет учитывать различные его проявления и создать правовую основу для их надлежащей профилактики и борьбы.

[1] *Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2017/541 от 15 марта 2017 г. о противодействии терроризму, о замене Рамочного Решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета ЕС.* URL: https://base.garant.ru/71927820/ (дата обращения: 18.01.2024).

Различия в толковании терроризма можно наблюдать и на уровне национальных государств, каждое из которых определяет его в зависимости от внутренней ситуации, распространенных на ее территории форм и видов его проявлений, целей, которые ставят перед собой имеющиеся террористические организации, а также в зависимости от политической конъюнктуры и нередко от геополитических интересов.

Анализ юридической литературы и нормативной базы о противодействии контртеррористической деятельности, позволяет выделить два основных подхода к определению сущности терроризма:

1) индуктивный (inductive or multi-definitional approach) — терроризм рассматривается в качестве многозначного понятия, определение которого зависит от конкретного его проявления, проблемы, которая рассматривается (Конвенции ООН), или компетенции и специфики деятельности органов государственной власти, в первую очередь, законодательных и исполнительных (США). Для такого подхода характерными являются: а) отсутствие широкой гипотезы; б) гипотеза основана на наблюдениях и исследованиях и должна соответствовать реальности; в) определение охватывает, как правило, лишь одну специфическую ситуацию; г) существование нескольких отдельных определений, которые применяются к различным ситуациям [16, p. 415–416].

Лорд Ллойд в 1996 г. в своем отчете об изучении законодательства о борьбе с терроризмом насчитал четыре определения терроризма в законодательстве США, в частности: дедуктивный (deductive — закрепление единого, обобщенного определения терроризма, которое в ходе практической деятельности приспосабливается к конкретной ситуации. Такое определение включает в себя три элемента:

а) объективный — перечень деяний, которые считаются террористическими актами. Как правило, к таким деяниям относят применение противоправного насилия против лица, государства (государственных объектов, инфраструктуры, коммунальных учреждений, транспортной и информационной системы) и власти. При этом последние две составляющие объектной стороны террористической деятельности остаются дискуссионными, поскольку ряд теоретиков и практиков высказывают опасение, что их легитимация может привести к неисправимому расширению полномочий правоохранительных органов в части применения репрессивных мер к другим законным формам публичного протеста [16].

Широкое толкование террористической деятельности является обоснованным, поскольку, как свидетельствует практика, большинство терактов совершаются не только и не столько с целью массового убийства населения. В этом случае критерием отграничения теракта от законного протеста служит проявление специфического мотива.

б) субъективный — мотивация и намерения, которые лежат в основе акта. Традиционным элементом субъективной стороны террористической преступности является цель — запугивание населения, утверждение атмосферы страха и недоверия. Кроме того, ряд государств признает важным для квалификации террористических преступлений наличие специфических идеологических, религиозных и / или политических целей, мотивов, причин [16]. События последних лет убедительно демонстрируют, что на первый план в структуре мотивации деятельности террористических организаций выходят именно политические мотивы, которые не ограничиваются требованиями к государствам предпринять конкретные действия, а преследуют широкомасштабные политические цели, вплоть до создания собственного государства.

в) юрисдикционный — обобщенное не запрещенное международное право государства, на которое направлен теракт, свободно отказываться или устанавливать отличительные правила с юридическим содержанием, в том числе и в рамках другой страны.

Среди ученых отсутствует единое мнение относительно оптического подхода к определению понятия «терроризм». Сторонники индуктивного метода указывают на то, что преимущественное фокусирование на насилии как основной характеристике данного явления и исключения из него политического аспекта позволяет избежать политического конфликта относительно ключевых принципов и достичь текстуальной согласованности. Тем не менее применение такого подхода существенно усложняет правовое регулирование соответствующих отношений, не обеспечивает надлежащей стабильности правового статуса лица и предоставляет значительную свободу усмотрения органам публичной власти, которые, пользуясь вариативностью подходов, в конечном счете получают возможность произвольного их применения. Кроме того, утверждение является спорным в части устранения политического момента: как свидетельствует практика, такая неопределенность парадоксально имеет следствием надменную политизацию проблемных аспектов контртеррористической деятельности, которая превращается в способ борьбы с политическими и особенно геополитическими противниками.

В связи с этим соглашаемся с позицией тех ученых, которые отстаивают необходимость существования единого обобщенного определения терроризма. Так, К. Вальтер отрицает практическую значимость дифференциации дефиниций этого понятия в зависимости от вида контртеррористической деятельности,

справедливо указывая, что единственным разумным оправданием имплементации концепции терроризма в национальное и международное право является опасность, которую представляют террористические преступления. В этом случае обеспечение ясности и правовой определенности возможно только при условии принятия как можно более обобщенного определения терроризма [16].

Похожее мнение высказывает А. Грин, который подчеркивает, что универсальное определение терроризма, в отличие от подхода, основанном на множественности дефиниций, способно обеспечить ясность и определенность [16]. Действительно, детальность изложения правовой нормы не всегда имеет следствием ее окончательность и однозначность; более того, дефинитивные нормы, устанавливающие исходные начала правового регулирования, всегда отмечаются определенной степенью абстракции, которая обеспечивает необходимую стабильность соответствующих норм и позволяет уточнять, корректировать и обогащать их содержание в конкретных ситуациях без ущерба текстуальному наполнению. В этом смысле важным требованием к конструированию дефиниции терроризма и соответствующих правовых механизмов ее реализации является их гибкость, способность достигать определенности в действиях субъектов права с учетом требований целесообразности и оптимальности правового регулирования, соблюдение которой обеспечивается закреплением универсального определения понятия «терроризм».

Отсутствие единого взгляда на сущность и значение терроризма, закрепленного на законодательном уровне, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, наличие дефиниции позволяет решить вопрос криминализации деяний, связанных с терроризмом, закрепление террористического мотива в качестве отягчающего обстоятельства в контексте общеуголовной преступности, определение юрисдикции террористических преступлений, а также приоритетных сфер, в которых допускается предоставление дополнительных или чрезвычайных полномочий правоохранительным органам и спецслужбам.

Кроме того, отсутствие общепризнанных определений понятий «терроризм» и «международный терроризм» приводит к осложнениям международного сотрудничества и координации в процессе уголовного преследования террористических преступлений, значение которого существенно увеличилось за последние годы из-за беспрецедентной интернационализации террористической деятельности. Одним из краеугольных камней этой проблемы является невозможность обеспечения реализации принципа двойной уголовной ответственности, которая является базовым принципом международного уголовного права и важной составляющей принципа правовой определенности.

Современная практика уголовного процессуального сотрудничества национальных государств в сфере борьбы с терроризмом исходит из того, что применение требований non bis in idem к этой категории дел не является обязательным, а остается вопросом усмотрения соответствующих государств. Такая позиция последовательно поддерживается на уровне ООН, эксперты которой в ходе подготовки международной конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов указывали, что применение этого принципа не является одинаковым во всех государствах, вследствие чего, принимая решение о выдаче, соответствующие государства будут в каждом случае руководствоваться собственными нормами, конституирующими данный принцип [17].

Национальное государство может распространить действие этого процесса на решения, принимаемые иностранными судами, в одностороннем порядке или путем двусторонней договоренности. При этом, условия применения от соответствующего принципа определяются в каждом конкретном случае с учетом обстановки и специфики преступления.

Что касается терроризма, то практика национальных государств в части применения non bis in idem в этой сфере отмечается вариативностью. Так, например, Верховным судом Испании принят постулат, согласно которому члены ЭТА[2], осужденные за принадлежность к преступному сообществу во Франции, не могут быть судимы испанским судом, поскольку считается, что они уже понесли уголовную ответственность.

Основанием для этого является то, что организация ЭТА имеет пирамидальную структуру, ее преступная деятельность подчинена единой стратегии, которая формируется руководящими органами, между ее членами существует четкая иерархическая структура и разделение функций, а именно членство в ЭТА является объективным фактом, который не зависит от того, на какой территории находится соответствующее лицо [17]. Зато уголовная ответственность членов террористических организаций, в которых перерастают горизонтальные связи, а структурные элементы наделены автономией, наступает отдельно в каждом государстве.

Противоположный подход наблюдается в странах англосаксонского блока. В США на террористические преступления в одностороннем порядке была распространена экстратерриториальная юрисдикция, которая

[2] ЭТА (eng. Euskadi Ta Askatasuna (трл. Эускади Та Аскатасуна, рус. «Страна басков и свобода») — баскская леворадикальная, националистическая организация сепаратистов, выступавшая за независимость Страны басков (регион, расположенный на севере Испании и юго-западе Франции с 1959 по 2018 годы, принимающая активное участие в Баскском конфликте).

фактически предоставила правоохранительным органам и, особенно, спецслужбам данного государства возможность осуществлять досудебное расследование и судебное преследование любых лиц, подозреваемых в терроризме, в т. ч. тех, которые не являются гражданами США, или совершили преступления на территории третьих стран. С. Борелли акцентирует внимание на том, что экстратерриториальное задержание стало привычной практикой для США в ходе так называемой «войны с терроризмом», причем количество задержанных лиц не ограничивается пленными в ходе военных операций: с 11 сентября 2001 г. осуществлялись другие аресты и задержания в ходе правоприменительных операций по всему миру.

Лишь в некоторых случаях лица, захваченные США, были переданы компетентным органам государства соответствующей территориальной юрисдикции; вместо этого в большинстве случаев они были переведены в залив Гуантанамо или другие места содержания под стражей, находящиеся вне пределов Соединенных Штатов [14].

Возможным способом оптимального и эффективного решение вопроса применения принципа non bis in idem относительно террористических преступлений, особенно международного характера, является наделение их универсальной юрисдикцией, которая позволит осуществлять уголовное преследование преступников независимо от их места нахождения, гражданства или территории, на которой было совершено конкретное преступление.

Обсуждение и заключение. В условиях глобализации происходит стремительная универсализация угроз и вызовов, в т. ч. тех, которые ранее считались сферой исключительной компетенции национального государства. В таких условиях увеличивается роль и значение принципов права, в частности, принципа правовой определенности, который, устанавливая требования к правотворчеству, правореализации, обеспечивает эффективность, разумность и справедливость правового регулирования общественных отношений, правопорядок и стабильность в национальном и международном измерении.

Современный опыт убедительно свидетельствует о недостаточном уровне сотрудничества и координации между национальными государствами и международными организациями в борьбе с международным терроризмом, который в основном остается ситуативным. Важным источником незнания в контртеррористической политике и деятельности на международном уровне является отсутствие универсального определения понятия «терроризм» и сущности террористической деятельности, определение которых по большей части остается вопросом внутренней компетенции государства, пользующегося значительной свободой усмотрения. Множественность подходов и недостаточная координация контртеррористической деятельности может иметь следствием «дефицит легитимности» усилий тех или других национальных государств или региональных организаций в борьбе с терроризмом, особенно в условиях обострения политического противостояния между субъектами международного права, что является характерным для современного этапа развития международных отношений, в т. ч. в контртеррористической сфере.

В ходе осуществления контртеррористической деятельности спецификой отмечается реализация требования non bis in idem, которая является важной составляющей принципа правовой определённости. В рамках международного правового пространства консенсусной является точка зрения, в соответствии с которой соблюдение этого требования в ходе уголовного преследования за террористические преступления не являются обязательными и остаются вопросом на усмотрение конкретных государств. Реализация такого подхода грозит создать ситуацию, при которой возможным является неоднократное привлечение лица к уголовной ответственности за совершение террористических преступлений, в первую очередь тех, которые по своей сути или последствиям являются транснациональными.

Чрезмерно широкое толкование данного положения при определенных обстоятельствах может служить оправданием установления экстратерриториальной юрисдикции над такими преступлениями, что на практике будет иметь следствием неограниченность полномочий, в т. ч. чрезвычайных, того или иного государства в уголовном преследовании лиц, которые действительно или мнимо могут иметь отношение к террористической деятельности.

Список литературы

1. Смирнова А.В. О соотношении понятий «принципы права», «аксиомы права» и «правовые презумпции». *Право и государство: теория и практика*. 2020;(4(184)):25–29.

2. Rodriguez P.M. The Principle of Legal Certainty and the Limits to the Applicability of EU Law. *Cahiers de Droit Europeen*. 2016;(1):115–140.

3. Рехтина И.В., Боловнев М.А. Правовая определенность как оценочная категория в гражданском процессе. *Российско-азиатский правовой журнал.* 2019;(1):33–38.

4. Султанов А.Р. Ложь и правовая определенность. *Вестник Гуманитарного университета.* 2019;4(27):154–159.

5. Кузьмина О.В. Правовая определенность судебных решений как необходимое условие правосудия по уголовным делам. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки.* 2019;(1–2):81–89.

6. Велиева Д.С., Пресняков МВ. Определенность содержания основополагающих прав и свобод с позиции общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ. *Современное право.* 2019;(6):11–17. https://doi.org/10.25799/NI.2019.59.60.017.

7. Милинчук Д.С. Правовая неопределенность в системе дефектов права. *Государственно-правовые исследования*. 2021;(4):149–152. https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-149-152.

8. *Global Terrorism Index 2024. Institute for Economics and Peace.* URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

9. Попова Л.И. Глобальная угроза терроризма: современное состояние и меры противодействия. *Вопросы безопасности.* 2021;(2):41–53. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2021.2.34913.

10. Бекленищев Д.М. Терроризм как угроза национальной безопасности России. *Приднепровский научный вестник.* 2023;11(1):29–32.

11. Эльназаров Д.Х. Международно-правовые основы противодействия терроризму. *Государственное управление*: 2021;(2(51)):150–155.

12. Дмитриева Э.С. Анализ российских и зарубежных правовых актов о терроризме. *Наука. Общество. Государство.* 2019;7(2(26)):61–67.

13. Цветаева А.Ю. Международный терроризм в XXI веке. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2022;(1(65)):126–129.

14. Манаев Г.Н. Международный терроризм и борьба с ним. *Матрица научного познания.* 2021;(12–2):257–261.

15. Greene A. Defining Terrorism: One Size Fits All? *International and Comparative Law Quarterly.* 2017;66(2):411–440. https://doi.org/10.1017/S0020589317000070

16. Walter C, Vöneky S, Röben V, Schorkopf F. *Terrorism as a Challenge for National and International Law — Security versus Liberty?* Heidelberg: Springer Berlin; 2004. 1479 p.

17. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Международный терроризм и современные противоречия мировых глобальных процессов. *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2019;(7–8(174–175)):1–9.

References

1. Smirnova AV. On the Relationship of the Concepts of “Principles of Law”, “Axioms of Law” and “Legal Presumption”. *Law and State: The Theory and Practice*. 2020;(4(184)):25–29. (In Russ.).

2. Rodriguez PM. The Principle of Legal Certainty and the Limits to the Applicability of EU Law. *Cahiers de Droit Europeen.* 2016;(1):115–140.

3. Rekhtina IV, Bolovnev MA. Legal Certainty as an Evaluative Category in Civil Proceedings. *Russian-Asian Law Journal*. 2019;(1):33–38. (In Russ.).

4. Sultanov AR. A Lie, and Legal Certainty. *Bulletin of the Liberal Arts University*. 2019;4(27):154–159. (In Russ.).

5. Kuzmina OV. Legal Certainty of Court Decisions as a Necessary Condition of Justice in Criminal Cases. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural and social sciences*. 2019;(1–2):81–89. (In Russ.).

6. Veliyeva JaS, Presniakov MV. Determination of the Content of Fundamental Rights and Freedoms from the Position of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and the Constitution of the Russian Federation. *Sovremennoe pravo*. 2019;(6):11–17. https://doi.org/10.25799/NI.2019.59.60.017 (In Russ.).

7. Milinchuk DS. Legal Uncertainty in the System of Legal Defects. *State Legal Research*. 2021;(4):149–152. https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-149-152 (In Russ.).

8. *Global Terrorism Index 2024. Institute for Economics and Peace.* URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf (accessed: 18.01.2024).

9. Popova LI. Global Terrorism Threat: Current Situation and Preventive Measures. *Voprosy bezopasnosti*. 2021;(2):41–53. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2021.2.34913 (In Russ.).

10. Beklenishchev DM. Terrorism as a Threat to the National Security of Russia. *Pridneprovskii nauchnyi vestnik*. 2023;11(1):29–32. (In Russ.).

11. Elnazarov DKh. International Legal Framework for Countering Terrorism. *Gosudarstvennoe upravlenie.* 2021;(2(51)):150–155. (In Russ.).

12. Dmitrieva ES. Analysis of the Russian and Foreign Legal Acts of Terrorism. *Science. Society. State*. 2019;7(2(26)):61–67. (In Russ.).

13. Tsvetaeva AYu. International Terrorism in the XXI Century. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*. 2022;(1(65)):126–129. (In Russ.).

14. Manaev GN. International Terrorism and the Fight against It. *Matritsa nauchnogo poznaniya*. 2021;(12–2):257–261. (In Russ.).

15. Greene A. Defining Terrorism: One Size Fits All? *International and Comparative Law Quarterly*. 2017;66(2):411–440. https://doi.org/10.1017/S0020589317000070

16. Walter C, Vöneky S, Röben V, Schorkopf F. *Terrorism as a Challenge for National and International Law — Security versus Liberty?* Heidelberg: Springer Berlin; 2004. 1479 p.

17. Karpovich OG, Shangaraev RN. International Terrorism and Contemporary Contradictions Global Processes. *Representative Power — 21st Century*: *Legislation, Comments, Problems*. 2019;(7–8(174–175)):1–9. (In Russ.).

Об авторах:

Алексей Алексеевич Кузубов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, alexceyk@gmail.com

Александр Николаевич Максименко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, manzel@yandex.ru

Заявленный вклад соавторов:

А.А. Кузубов — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.Н. Максименко — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 03.02.2024
Поступила после рецензирования 04.03.2024
Принята к публикации 11.03.2024

About the Authors:

Alexey A. Kuzubov, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Economics Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, alexceyk@gmail.com

Aleksandr N. Maksimenko, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Economics Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, manzel@yandex.ru

Claimed contributorship:

AA Kuzubov: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

AN Maksimenko: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of interest statement: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Received 03.02.2024
Revised 04.03.2024
Accepted 11.03.2024